

парфянских изображений (стр. 420), но упоминает обо всем этом как-то мимоходом, никаких особенных выводов, кроме того, что Боспор был связан с восточно-эллинистическим миром, не делает из собранного им материала.

Не вполне удачным представляется и тезис о развитии боспорского и парфянского искусства под общим влиянием восточноэллинистических художественных приемов. И боспорское и парфянское искусство являются, напротив, яркими примерами того, как туземное искусство «варварских» народов Востока постепенно освобождается от влияния эллинизма, противопоставляет ему свой собственный художественный язык, вводит фронтальное изображение, общающееся со зрителем, на смену профильному, характерному для античных ваз, монет и т. д. При этом следует говорить, быть может, не столько о влиянии Парфии на Боспор (стр. 422), сколько об общих путях культурного развития — о близости сарматской и парфянской культуры, наконец, о некоторой общности исторических судеб Боспора и Парфии на периферии падающей античной цивилизации, под мощным влиянием местных традиций, поднимающихся изнутри по мере освобождения от внешних покровов эллинизма. Недаром армянские историки говорят о четырех ветвях династии Аршакидов, одна из которых управляла землями, расположенными вокруг Боспора¹. Помимо фронтальности изображений, можно привести и ряд других параллелей между боспорским и иранским искусством; например, боспорские конные рельефы весьма напоминают соответствующие изображения эпохи Сассанидов. Комплексное изучение искусства и культуры Востока в период перехода от древности к средневековью и выяснение роли народов нашей страны в их развитии являются насущной задачей нашей науки.

Таковы основные критические замечания, которые необходимо сделать по монографии В. Ф. Гайдукевича. В данной рецензии была сделана попытка разобрать основные принципиальные и частные вопросы, имеющие непосредственное отношение к истории Боспора. Все указанные в данном разборе недочеты, разумеется, не уменьшают большой ценности книги, являющейся крупным достижением нашей науки.

О. В. Кудрявцев

Т. Н. Книпович, Танаис. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, 177 стр., тираж 2500 экз., цена 15 руб.

Выдающиеся успехи советской археологической науки в исследовании античных городищ нашего юга и культуры народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, вызвали потребность в обобщающих работах по истории отдельных городских центров и целых государств, существовавших на северном берегу Понта в то время. Неслучайно поэтому появление в последнее время таких работ, как «Херсонес Таврический» Г. Д. Белова и «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича. Рассматриваемая монография Т. Н. Книпович «Танаис», посвященная одному из крупных торговых центров Северного Причерноморья античного времени, должна, по мысли автора, принадлежать «к числу работ сходного типа» (стр. 4). Вероятно, этой аналогией с названными работами объясняется и само заглавие книги Книпович, содержащее только имя города. Однако книга эта по характеру своему резко отличается от выше названных работ Белова и Гайдукевича, да и ставит себе несколько иные задачи. За лаконичным заглавием «Танаис» мы вправе были бы ожидать очерк экономической, политической и культурной истории этого города. К сожалению, в распоряжении Т. Н. Книпович не оказалось достаточного материала для такого очерка, и она «решила перенести центр тяжести на ознакомление читателей со всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками наших сведений о Танаисе» (стр. 6). Таким образом, рецензируемая работа носит прежде всего источниковедческий характер.

¹ См. С. И. Толстов, Древний Хорезм, 1948, стр. 342.

Книга состоит из введения, шести глав, обозревающих внешнюю торговлю области Танаиса и описывающих историю археологических исследований, городище и некрополь Танаиса, а также вещественные, эпиграфические и нумизматические находки городища и некрополя, заключения и двух приложений; в первом из них дан обзор поселений района Танаиса в первые века нашей эры, а во втором опубликован список имен, встречающихся в местных надписях.

Первая, вводная, глава «Основные этапы торговли области Танаиса в VII—III вв. до н. э.» (стр. 7—16) содержит общий исторический очерк, в основном являющийся обобщением результатов исследований автора, опубликованных ранее в отдельных статьях. В этой главе находит чрезвычайно ясное и убедительное решение возбуждавший споры в течение нескольких десятилетий вопрос о двух Танаисах: «дополемоновском» и «послеполемоновском» (стр. 10—12). Теперь можно считать окончательно выясненным вопрос о взаимоотношении Елизаветовского и Недвиговского городищ, об их экономической роли в торговле нижнего Придонья. Оставшийся нерешенным из-за отсутствия необходимого эпиграфического материала вопрос о том, какое имя носило поселение у ст. Елизаветовской, — второстепенный и существенного значения иметь не может.

Очень интересен впервые вводимый автором в научный обиход материал, касающийся архаического греческого поселения в районе Тагаирога (стр. 8). Убедительной представляется нам и та критика, которой подвергает автор теорию А. М. Ильина о роли Темерницкого городища среди нижнедонских поселений (стр. 12—14). Заметим только, что композиционно этюд о Темерницком городище лучше было бы отнести в приложение, где дается краткий обзор всех остальных поселений района Танаиса римской эпохи.

Краткий очерк истории археологических исследований городища у ст. Недвиговской (стр. 17—21), составляющий содержание особой главы, дает яркое представление о тех трудностях, которые стояли перед автором при изучении танаидского материала. Трудности эти, коренящиеся в несовершенстве методов полевой археологической работы прежних исследователей городища, заключаются прежде всего в том, что в отчетах о раскопках полностью отсутствует описание культурного слоя, фиксации стратиграфии напластований городища, разделение материала некрополя по могильным комплексам, характеристика массового обиходного материала. Все это лишило автора возможности дать связный очерк истории Танаиса и по необходимости заставило ограничиться изучением и характеристикой отдельных групп и категорий памятников.

Основная часть разбираемой работы содержит общую характеристику городища и некрополя Танаиса, описание и исследование вещественных находок, эпиграфического и нумизматического материала и те выводы исторического порядка, которые можно было сделать на основе рассмотрения всего этого материала.

Вряд ли только можно считать удачным распределение этого материала по главам, отрыв вещественных и эпиграфических находок от описания некрополя и городища. Естественнее было бы распределить описание находок по соответствующим главам, посвященным городищу и некрополю; это позволило бы избежать некоторых повторений и облегчило бы задачу общей характеристики поселения, тем более, что если не в статье Леонтьева, то в более поздних отчетах Хицунова имеются сведения об участках городища и иногда даже о глубине, на которой найдены те или иные предметы.

Изучение городища и некрополя Танаиса и найденного здесь материала проведено Т. Н. Книпович со всей присущей ей тщательностью и глубиной. Это позволило ей сделать много интересных и верных наблюдений по существу самого исследуемого материала. Особенно интересны соображения о гончарных печах и возможности производства амфор в Танаисе (стр. 28—30), об общем характере Танаидского некрополя, о чертах его сходства и различия с другими некрополями Боспора (стр. 47—49), о типах металлических зеркал (стр. 55—59) и ряд других. Особо следует отметить исследование автора об организации управления и о составе населения Танаиса по данным надписей (стр. 93—102). Совершенно справедливо указывается на существование двух этнических групп в Танаисе: эллинской и танаидской, и на их взаимопроникно-

вление, слияние, сращивание. Вопрос о взаимоотношениях местных и греческих элементов в хозяйственной и культурной жизни города, очень важный для всех северо-причерноморских городов, в Танаисе приобретает особую сложность и значение. Нам кажется, что Т. Н. Книпович, указывая на сращивание групп эллинов и танаитов, разрешает этот вопрос в основном верно. В частности, ее объяснение терминов *Ἐλλήνων καὶ Ταναίται* танаидских надписей гораздо более убедительно, чем все то, что писалось на эту тему предшествующими авторами, начиная от В. В. Латышева и кончая С. А. Жебелевым, который сравнительно недавно высказал мнение, что под эллинами надо понимать танаидских граждан, а под танаитами «приходится понимать тех туземцев, а также приезжавших в Танаис греческих и римских купцов не из Боспора, которые постоянно или временно проживали по торговым делам в Танаисе» (ИГАИМК 104, стр. 43).

Жаль только, что Т. Н. Книпович подробно исследует взаимоотношения различных этнических элементов в населении Танаиса лишь на материале надписей. Изучая вещественные памятники городища и некрополя, она почти не останавливается на вопросах этнической принадлежности лиц, являвшихся творцами (или потребителями) той или иной группы предметов. Между тем среди городищенских и некропольских находок имеются отдельные предметы и целые группы вещей, являющихся не только продуктами местного производства, но и образцами туземной, негреческой культуры и резко отличающихся от современных им античных форм. Таковы лещные и лощеные сосуды (стр. 77—82, рис. 33—38), зеркала местных типов (стр. 55—59, рис. 12—15), бронзовые колокольчики (стр. 61, рис. 19), любопытный известняковый рельеф с изображением льва (стр. 87, рис. 42) и многое другое. Негреческое происхождение всех этих памятников отмечается самой Т. Н. Книпович, но она не сопоставляет их всех как элементы одной местной культуры и не пытается дать общую характеристику этой местной культуры, которая вошла в качестве основного компонента в смешанную эллино-варварскую культуру Танаиса.

Много сил и внимания уделено автором изучению сложного вопроса о танаидских синодах или фиасах (стр. 103—116). Трактовка их как культовых организаций, созданных для почитания синкретичного *θεός ἕψιστος* и объединявших всю верхушку танаидского общества, представляется нам весьма убедительной, равно как и критика теории К. М. Колобовой о торгово-купеческом происхождении этих объединений. Очень интересна впервые публикуемая Т. Н. Книпович (стр. 116—118, рис. 44) новая надпись Новочеркасского музея, свидетельствующая о существовании неизвестного ранее фиаса несколько необычного типа, посвященного празднованию «дня Танаиса».

Обзор нумизматического материала Недвиговского городища сделан очень бегло (стр. 120—121); автор использует монетные находки только для подтверждения своей датировки городища, не привлекая нумизматических данных для характеристики экономики города. Жаль также, что к книге не приложен список всех монетных находок, сделанных в районе Танаиса и известных автору лучше, чем кому бы то ни было; такой список был бы чрезвычайно ценен.

Тщательное и всестороннее исследование отдельных частных вопросов позволило Т. Н. Книпович сделать весьма существенные общие выводы, с которыми нельзя не согласиться. Первым таким выводом является определение времени существования Танаиса на месте теперешнего Недвиговского городища. К этому вопросу автор обращается неоднократно, привлекая все новые и новые данные (стр. 26, 31, 46, 89—90, 121, 122—125), и в результате разрешает его совершенно твердо и определенно: Танаис существовал на этом месте со второй половины III в. до н. э. до конца IV в. н. э. По-путно окончательно опровергается теория о племоновском «разрушении» Танаиса. О решении автором проблемы взаимоотношений Недвиговского и Елизаветовского городищ мы уже говорили.

Второе, не менее значительное, достижение разбираемой работы состоит в выявлении особенностей развития Танаиса. Они являются результатом смешения различных культурных элементов и придают особый интерес изучению данного поселения. В этом отношении глубоко справедливо предостережение автора относи-

тельно неправомерности перенесения на Танаис тех черт общественной и культурной жизни, которые известны нам на Боспоре вообще (столь же неправомерно и обратное перенесение автора, ср. стр. 126). Чрезвычайно важны открывающие широкую перспективу для дальнейшего изучения местных причерноморских культур неоднократно проводимые аналогии между вещественными памятниками Танаиса и материалами из других районов нашего Юга, прежде всего из Нижнего Поволжья и Прикубанья (стр. 49, 56, 58, 61, 65, 67, 82, 88).

В связи с характеристикой Недвиговского городища следует сделать одно замечание. Т. Н. Книпович рассматривает Танаис в основном как «громадный склад товаров», торговый пункт, «эмпорий по преимуществу» (стр. 28, 90, 108). Вместе с тем вопросы танаидского производства, ремесленного и сельскохозяйственного, отступают совершенно на задний план. Причины этого понятны: они заложены уже в отзывах древних авторов о Танаисе как «варварском эмпории». Однако такой взгляд кажется нам несколько односторонним. Уже а priori можно предполагать, что Танаис, экономическое и культурное значение которого должно было быть очень велико для всего южного Придонья, не мог оставаться только передаточным пунктом, а был и крупным, (разумеется, в местных масштабах) производственным центром. Такой вывод напрашивается уже из сравнения Недвиговского городища с другими городищами низовьев Дона, обзор которых Т. Н. Книпович дает в приложении (стр. 128—149). Самый материал Недвиговского городища позволяет судить о развитии в городе некоторых производств: открытые Хищновым гончарных печей заставляет автора предположить возможность производства амфор в Танаисе (стр. 29—30). Т. Н. Книпович утверждает, что вся лепная посуда и подавляющая часть лощеной безусловно производились на месте (стр. 77 сл.), местное же производство можно подозревать и для определенных категорий украшений (стр. 44—45, 88), ювелирных изделий (стр. 65) и т. д. Таким образом, даже имеющийся крайне фрагментарный материал позволяет высказать некоторые соображения о развитии производства в Танаисе. Дальнейшие исследования городища, несомненно, значительно расширят наши знания в этой области.

Оценивая рецензируемую работу в целом, можно сказать, что она подводит итог всему тому, что было сделано за почти столетний период изучения Танаиса. Она представляет собой полную сводку всего известного нам танаидского материала и в то же время является наивысшим достижением в истолковании этого материала. Дальнейшее расширение наших представлений об этом уголке Северного Причерноморья возможно только на пути возобновления археологических исследований танаидского городища и некрополя и накопления новых источников.

Д. Б. Шелов

А. РАНОВИЧ. Восточные провинции Римской империи в I—III вв.
М.—Л., 1949, 262 стр., цена 48 руб.

Изучение римских провинций эпохи империи составляет одну из насущных задач в исследовании древнего мира. Это изучение должно вестись силами различных специалистов, так как и в римское время в отдельных областях в большой мере сказывается влияние старинного культурного наследия: общественные отношения, язык, литературный язык, право, религия, искусство — все это хранит отпечаток своеобразной жизни и порядков того времени, когда римские легионы еще не появлялись на Востоке, а местному населению не приходилось обращаться с восхвалениями или мольбами к римскому императору как к «посланному небом спасителю или благому богу». Далеко в прошлое восточных провинций интересно не только само по себе, как сложный результат предшествующего исторического развития, но и потому, что изучение его дает возможность во многом понять ход последующего процесса и специфические отличия, присущие Востоку по сравнению с Западом.